

Александр Солженицын

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ

В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ III

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 2

Во второй книге «Марта Семнадцатого» читатель погружается в бурные события второй недели Февральской революции, весть о которой облетела всю Россию через телеграф министерства путей сообщения. Ставка шлёт полки против Петрограда. А у Таврического дворца победные речи. Одновременное формирование двух новых властей: Временного Правительства и Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов. Государь спешит из Ставки в Царское Село, к семье. Исполком рассылает разрушительный для Армии «Приказ № 1». Ставка отзывает полки, посланные на подавление. Отречение Николая II. Царских министров — в Петропавловскую крепость.

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ТОМ ДВЕНАДЦАТЫЙ

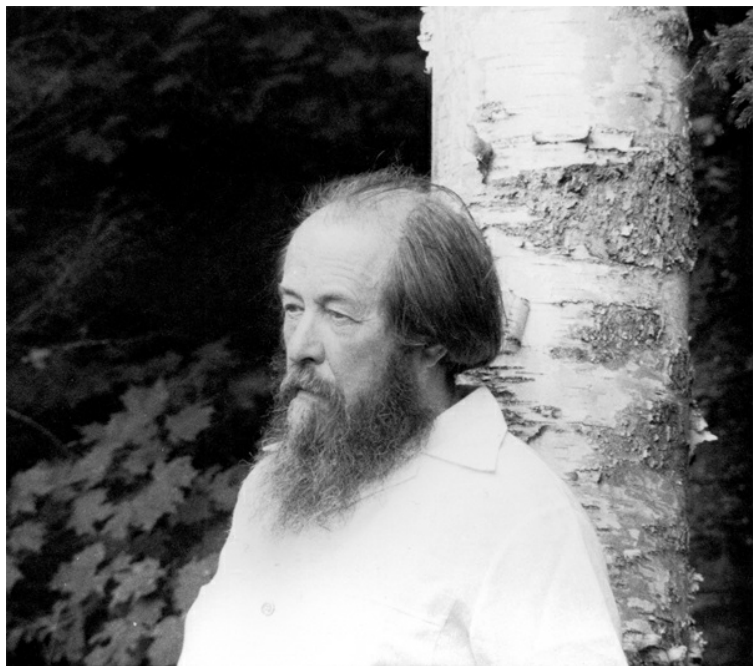
КРАСНОЕ КОЛЕСО

ПОВЕСТВОВАНИЕ
В ОТМЕРЕННЫХ СРОКАХ

УЗЕЛ III
МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

КНИГА 2

Вермонт, 1979

УЗЕЛ III

МАРТ СЕМНАДЦАТОГО

23 ФЕВРАЛЯ — 18 МАРТА СТ. СТ.

КНИГА 2

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ ФЕВРАЛЯ

ВТОРНИК

171

Всё же в Исполнительном Комитете Шляпников продвинулся неплохо: доверена ему была вся Выборгская сторона и сколачивать рабочую милицию. Сколько он мог сообразить своей безсонной, уже помрачённой головой, это была реальная и важная победа: вооружённая Выборгская сторона будет весить больше, чем любое голосование в Совете депутатов, и уж конечно больше, чем вся эта Государственная Дума. Как любит выражаться Ленин — *главное звено*. И вот показалось теперь Шляпникову, что он это главное звено ухватил.

А может — не его? А может — не главное? Если пойдут дела и дальше как сегодня — то сразу хлынут эмигранты. И быстро приедет Ленин — и станет за каждую ошибку бранчиво, обидно выговаривать, по своей въедливой манере. Шляпников заранее сжимался, представляя эту грызуху.

Но так вдруг просторно раздвинулись события и возможности — поди догадайся, какую седлать.

Кончилось безтолковое заседание ИК уже под утро, Шляпников на что силён, а пошатывался.

Надо устроить своё постоянное дежурство здесь, в Таврическом, чтоб о каждой новости сразу же узнавать. Но даже на это нет человека, не придумаешь подходящего кого. Разве что Стасову пристроить? (Она из ссылки приехала осенью в Петербург, для свидания с престарелыми родителями, и зацепилась тут.) Хотя б на дневное время: пусть ходит как на службу и здесь высматривает. И назовём — секретариат ЦК? Она ещё какую девчёнку приспособит.

Ну, ехать поспать. Теперь уже не пешкá мерить, теперь Шляпников мог взять и автомобиль.

Но тут подбежал студент от телефона: сейчас звонили, что на квартиру Горького нападение банды!

Вот те на! Так и кольнуло! И правда, не могло быть всё слишком уж хорошо. Так и должно было случиться: заметная революционная фигура! Алексей Максимыча — никак в обиду дать нельзя, он — как лучший партийный наш, он больше наш, чем меньшевицкий. Он — и деньги даёт, он в

Девятьсот Пятю на своей московской квартире в дни восстания содержал тринадцать грузин-дружинников, и бомбы у него делали.

Большевицкий закон: своих — надо выручать!

Застёгивая пальто и нахлобучивая шапку (не снимал их и все часы заседания в тёплом дворце, некуда деть), — вышел наружу.

В сквере перед дворцом горело три костра, около них грелись. И там-сям солдаты.

— Я — комиссар Выборгской стороны! — закричал Шляпников не так громко, уже голоса не было, но с новым для себя тоном, новым правом распоряжаться громко вслух. — Есть автомобиль?

И сразу тон его слышали и поняли (никто б из думских так бы крикнуть не посмел), подбежало несколько солдат-доброхотов, всё им лучше, чем мёрзнуть:

— Есть автомобили! Куда ехать?

Уже вели его к одному.

— А чей автомобиль? — просто так, для интереса спросил Шляпников.

— Военного министра Беляева! Со двора увели.

Вот и шофёра в полушубке расталкивали за рулём.

— Я член Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов! Заводи машину! — Отступил и крикнул: — Эй, ребята! Кто поедет на Петербургскую сторону, задание есть!

И сразу побежала от костра дюжина охотников. Трёх с винтовками впустил на заднее сидение, сам сел спереди, дверцу захлопнул, двое сейчас же легли на подножки, винтовками через крылья вперёд.

Па-й-йехали!

Улицы были малолюдны, но жили. Где-то изредка постреливали. То погуливали с винтовками, гурьбой. То навстречу, то стороной проносились грузовики и гудели, в кузовах торчало по несколько людей со штыками. Пешком пробирались и напуганные обыватели.

Гнал шофёра, гнали дальше: что там с Горьким? успеем ли отбить Максимыча?

Ну мог ли Шляпников вчера, перепрятавшись у Павловых, представить, что в следующую ночь будет ехать в автомобиле военного министра?!

Около пожарища Окружного суда — ещё сильно калилось, и пар от уличного снега — их остановили расспрашивать и кричали «ура», — а потом они дёрнули без остановки по

Французской набережной и взлетели на пустынный Троицкий мост.

Если б не зарева за спиной, а впереди темно, нет, один есть пожарчик сильно налево, это наверно Охранное, да если б не встречный шальной грузовик на мосту со штыками, — ночь была как ночь: снежная в черноте Нева, тёмная Петропавловка, редкие цепочки фонарей там и здесь — обыкновенная петербургская ночь. Вот только зарева.

Оглянулся налево за спину Шляпников: вся полоса дворцов была совсем темна, и Зимний — тоже.

А небо — чистое, звёздное, морозное.

Большим крюком объехали Петропавловку, сбросив огни, чтоб не привлечь на себя стрельбы. Нырнули в тёмный Кронверкский.

Вот и дом Горького, в темноте его Шляпников узнаёт.

Внешне — погрома не видно. Все окна тёмные. Парадное заперто.

Но нельзя так оставить. Стал громко стучать.

Швейцар не сразу вышел. Потом открывать не хотел. Но, увидя штыки, открыл.

— Что там у вас? Какая банда? Был налёт?

— Ника-кого.

Шляпников не поверил. Метнулись по лестнице.

И перед дверью Горького — ненатоптанный пол, чистота, тишина, никакого разгрома.

Шутники какие-то обманули?

Но и не уезжать теперь так! Всё же нажал кнопку звонка.

Ещё раз позвонил. Там испуг, переполох: «кто?».

— Это — Шляпников. Мне Алексей Максимыча, простите.

Хоть заверить его в безопасности. Хоть научить, если что — так пусть...

Наконец отворили дверь. За несколькими женщинами — Алексей Максимович в мохнатом халате, сутулясь, недовольный, подморщивая свой раскляпый, утиный нос, жёлтые усы обвисли аж на подбородок, а голос обиженный:

— Ну что-о такое, Алексан Гаврилыч? За-чем? За-чем же вы?

Не пригласил войти, отпустил — и даже не спросил о новостях.

Николай не мог жить без Аликс настолько, насколько человек не может жить с выеденной грудью или отсеченной половиной головы. Сам с большими военными пристрастиями, попадая в атмосферу Ставки, он как будто должен был бы расцветать мужскою военною жизнью, — нет! Уже в первый день он испытывал рассеянность, недостаток, тоску, — и пуст и печален был тот редкий день, когда не приходило от неё письмо. (Зато уж завтра — всегда два.) А приходило — Николай распечатывал его всякий раз с усиленным биением сердца, и окунался, вдыхал аромат надушенных листков (а иногда были вложены и цветки), — и так тянуло к жене тотчас, сейчас! Как всегда повторяла она, так убедился и он: разлука делает любовь ещё сильнее. И сам он не писал ей письма только в тот день, когда уж было слишком много бумаг или приёмов, — но и над бумагами и во время приёмов он помнил её постоянно, как тем более в часы досуга или прогулок. Только когда он проходил смотром перед выстроенными полками — он забывал её на короткие минуты. Даже присутствие наследника с отцом в Ставке лишь немного развеивало и смягчало эту вечную недохватку разумницы-жены в существовании. Но наследник по нездоровью часто не мог ехать с отцом — и тогда тоскливое одиночество обступало стеною, и даже одна неделя в Ставке казалась годом, а три недели — вечностью, да три недели он почти никогда и не выживал тут, либо уж сама государыня приезжала в Могилёв.

И ещё насколько мучительней были четыре дня, в этот раз проведенные в Ставке: из-за болезни детей и тревожных сведений из Петрограда. Государь перетратился нервами и упорством воли — отказывать в уступках нарастающему сводному хору. Он — перетратился и нуждался скорее соединиться с женой, с которой за 22 года был сращён, как два дерева, разветвлённых из одного ствола.

От момента за поздним чаем, когда Воейков и Фредерикс представили ему тревоги из Царского Села и Николай решил ехать, — сразу стало легче. Когда вошёл в свой вагон близ двух часов ночи — ещё легче. (Но состав будет ещё подготавливаться до пяти или шести утра.)

Оставалось время. Успокоился. А спать ещё не хотелось. И что Государь почувствовал себя обязанным сделать — это поговорить с Николаем Иудовичем о деталях его экспедиции и намерений. Вагоны стояли недалеко, и он вызвал генерала.

Разговором остался очень доволен, ещё облегчилась душа. Какая была в этом старике народная основательность, мудрость и какая преданность своему Государю! На этого человека можно было положиться, смелый боевой генерал. (Теперь пожалел, что в Пятнадцатом году не согласился с женой и не назначил его военным министром, считая слишком упрямым, — может быть, и не было бы нынешних беспорядков.)

Да всё настроение было совсем не тревожное, когда и сам уже ехал туда.

Тут дослали в поезд вечернюю телеграмму Хабалова, что-то очень паническую: что не может восстановить в столице порядка, уже большинство частей изменили своему долгу, братаются с мятежниками и даже обратили оружие против верных войск. И вот — большая часть столицы уже в руках мятежников.

Да может ли такое быть?? Да это вздор немыслимый.

И Николай Иудович тоже так думал, нисколько не обезкуражился:

— Выгоню всех и вычищу! Ваше Императорское Величество, вы можете быть во мне уверены, как в самом себе. Сделаю всё возможное и невозможное!

И борода его лопатная, народная, верная, как бы подтверждала.

Из деликатности Государь, однако, постеснялся спросить у генерала точный час его выезда из Могилёва с георгиевским батальоном, — но очевидно, что уже не в эти ночные часы (хорошо бы!), а рано поутру.

Однако если Иванов начнёт движение своего отряда только утром и из первых целей имеет оборонить Царское Село — то не терялся ли смысл экстренного выезда императорских поездов? Нет, потому что последнее время они ходили другим, более кружным, но и более удобным путём, через Николаевскую дорогу. Пока они совершат этот обход — а Иванов уже и будет в Царском. Да уже было обещано Аликс, что выедет этой ночью. И перед свитою неудобно менять: команда дана, погрузились.

Прощаясь, перекрестил старика-генерала. И трижды поцеловались.

А самое главное: движение поезда уже есть облегчение. Николай нуждался теперь восполниться покоем, душевным отдохновением. И оторваться от этих непрерывных телеграмм и донесений, которые в Ставку просто лились. Меньше известий — меньше решений. Около суток провести

без этих волнений — насколько легче! А там — достичь Царского, убедиться, что свои — целы, не захвачены, — и уже в твёрдом состоянии и слитно с Аликс всё решать. Николай не знал, что именно решит и сделает, но во всяком случае там он за несколько часов осмотрится.

После пяти утра в начавшемся движении поезда мерная укачка вагона давала это чудесное совмещение: иллюзии действия и одновременно покоя.

Уж надежды поспать не было сегодня никакой — зряшная эта поездка к Горькому как раз перебила последний сонный час.

Да и был же он теперь комиссар Выборгской стороны — значит, надо разорваться, и там успеть, и в Таврический назад успеть ко всем заседаниям. И погнали на Выборгскую. Холодное сиденье подмораживало через пальто. Опять двое солдат легли на подножки. Погнали ещё малолюдным, пробуждающимся освобождённым городом, — освобождённым, вот замечательно! Уж кого не видно, так это городских. И все солдаты сразу стали не вражья сила, а своя!

А на Выборгской — появлялись, наоборот, вооружённые посты рабочих на перекрестках, это уже кто-то из наших ставил. Такой пост перед Эриксоном остановил и его самого: ехать дальше нельзя, самокатчики, стервы, сидят в казармах с пулемётами и сопротивляются, вся дальняя часть Сампсоньевского вымерла, никто не ходит, не ездит.

И что ж думаете делать? Вот собирают силы: пулемёты, но хотят и артиллерию притянуть, чтоб из пушек начисто казармы самокатчиков снести. А уговаривать не берёт? Никак не берёт.

Прямо бить по батальону?

Ещё вчера не знали, спорили: как взять в свои руки оружие? А вот уже оно всё наше!

А московские казармы? Целиком все наши. Офицеров — вчера обезвредили. А межрайонцы тут собрали рабочую дружину: ловить и убивать офицеров поодиночке.

Ну, это их дело, они всюду вперёд.

Но не привык Шляпников у себя на Выборгской стороне даже под слежкой стесняться — а теперь, в освобождённом городе, да неужели ж он на Сердобольскую не доберётся? Он знает здесь не только улицы, но все тропинки на огородах — те наискось сокращения, которые протаптывают и ногами поддерживают даже зимой, потому что людям всегда надо короче. И в этих безликих снежных тропинках нипочём не собьётся.

Оставил автомобиль с солдатами ждать его тут два часа — а сам погнал по тропинкам.

И действительно, люди промётывались по ним с поспешностью. А раза два так близко и низко просвистели пули, что Шляпников хлопнулся оба раза на утопанный снег

и перелёживал, смотрел на его бугорки и узоры, отпечатанные ногами.

Лежал на снежном поле одиноко и думал: вот тебе и освобождённый город, член Исполнительного Комитета, комиссар Выборгской стороны. И что за позор: в центре везде обошлось, а у нас на Выборгской...? Нет, надо это кончать, действительно, хоть и пушками.

Добрался, конечно, до Павловых. Конспиративную квартиру их — узнать нельзя: собралась сразу дюжина товарищей, не скрываясь. Галдят открыто, ещё при входе прислонены красные знамёна, готовят древки для новых, в комнатах с избытком навалены добытые винтовки, шашки, патроны.

Марья Георгиевна, руки золотые, свои швейные дела кинула, чем-то их кормит.

И Шляпникову — миску горячих щец.

Та-ак. Что у вас тут? Депутатов в Совет выбираете? Рабочую милицию — собираете?..

А у нас в Таврическом... Трудное дело, братья: надо не прозевать, в эти часы из-под меньшевиков всю почву вырвать.

Из-под кадетов — тем более.

Из-под царя — уж и не спрашивай.

Двое братьев Некрасовых, маленький Грече и пожилой прапорщик из запаса Рыбаков ночевали на квартире штабс-капитана Степанова. На рассвете их разбудил солдат-швейцар офицерского флигеля, перепуганный:

— Ваши высокоблагородия! Надо вам уходить скорей. Уже несколько господ офицеров в цейхгаузе собрания — переоделись в солдатское, ушли. Пришли *вольные*, ищут офицеров, убивать. Я сказал: тут никого нет. Погрозились и меня убить, если наврал. Они — у самого подъезда стоят! Уходите через чёрный!

Военная побудка, привычное дело. Спали одетые, теперь накинули шинели, ещё прежде первого продрога, — сбежали по лестнице. Думали — через плац и во 2-ю роту, где вчера взяли у них шашки и обещали защиту (а револьверы-то свои так и не взяли из собрания!). Но на плацу в брезжущем свете уже ходили рабочие, с винтовками и без винтовок.

Опоздано! — и вырваться некуда.

Вдруг подошёл из швейцарской унтер-офицер, смутно-знакомое лицо, и назвался, что он причетник полковой церкви: не пожалуют ли господа офицеры к нему, там никого искать не будут? А из чёрного хода туда — несколько раз шагнуть, совсем рядом. Ну что ж, пожалуй.

Уж своего ли полкового двора не знали братья Некрасовы, а этого места никогда не замечали. Тут, совсем рядом, стоял полковой склад, длинный, слепой, — а в нём, оказывается, в торце была комната причетника, через глухую кирпичную стену от склада.

Проскользнули туда, пока не рассвело.

Привычный военный глаз осматривал комнату не как комнату, а всё в счётке военной. Узкая и длинная, поперёк всего склада. В одной длинной стене дверь, в одной узкой — окно на церковь, остальное глухо. Через окно почти вся хорошо простреливается, через дверь — только в средней части.

С ними пришёл денщик Всеволода, да внутри уже был какой-то солдат. Итак, всемером.

И стали сидеть. Как в тюрьме. Ждали — час, полтора — чего? Сморчиво. В окно — разбрезжило. И вполне осветлело. Никто не шёл к ним. Но и они ничего не знали.

Решили послать денщика — вообще на разведку, и во 2-ю роту — чтобы фельдфебель прислал за ними своих и вызволил.

Долго ходил, но много и принёс: во 2-ю роту идти нельзя, там набилось рабочих с красными повязками, фельдфебель пикнуть не может.

Вот и отдали им шашки...

А собрание, рассказывал, за ночь совсем разгромили. Картины, портреты посрывали, поразрезали. Люстры перебили. Мебель — переломали, твёрдую, а мягкую — шашками порубили.

А Сергей вчера боялся стрелять из собрания, чтоб его не тронули...

А что ж в своей квартире? Послал узнать. А там стерёг денщик Сергея, оказывается еле отоврался, чтоб не избili его бунтовщики. По клавишам рояля играли прикладами. Растащили сапоги, одежду, бельё. Разделили колодку орденов и куражились, развешивая каждый себе.

Теперь послали поглядеть по казармам: есть ли где офицеры?

Вернулся денщик: нигде ни одного.

Что же делать? Уходить с полкового двора? Переодеваться?

Сходили нижние чины и осторожно принесли всем четверым солдатские шинели. Прапорщик Рыбаков сразу переделся — неинтеллигентное лицо, от солдата не отличить. Ушёл.

Но братья Некрасовы замялись. Унизительно. Остались в своём. И маленький Греве тоже.

И просидели ещё час, мало разговаривая. То состояние, когда каждый разговор только дерёт по душе, лучше своё внутреннее, хоть и оно морозит. Бунт, и во всём Петрограде, в несколько часов, и удавшийся, — это же революция! Как она грянула? Кто там вершит? Что теперь будет? Да в Действующей армии революции нет — придут же и справятся, с кем тут справляться? — тут никто не умеет винтовки держать. Но полк опозорен. И собственная честь. И значит — жизнь.

Ниоткуда не доносилось никакой стрельбы. Не верилось, что в полку разорение, что бродят чужие и ищут крови.

А есть хотелось — всё больше. Со вчерашнего дня ничего не ели. Хоть бы хлеба достать. Причетник сказал, что достанет. Ушёл.

Вернулся — позвал обоих солдат. Вскоре опять пришли, да как — с кипящим самоваром, подносы с едой, большая коробка папирос. Это прислала матушка, жена полкового священника.

Это и погубило! Не хватило осмотрительности — шли трое в затылок по плацу, самовар, поднос, — кто-то и заметил.

Не успели чаю заварить, хлеба куснуть — женский голос близко закричал пронзительно:

— Вот тут офицерá сидят!

И — ни на что не успели решиться, обдумать — другие крики, топот сбегающей толпы, и даже без «выходи!», так быстро, пока причетник стал закрывать на крючок — выстрел в дверь! — и ранило его. Сбил с ног, сел на пол, пополз в сторону, трогая плечо и вслух молясь.

А в дверь — ещё и ещё стреляли, и крик нарастал гуще, толпа сбегалась, кричали:

— Бей кровопийц!

— Попили нашей крови! — и матерно, и матерно, дикий рёв — откуда же столько ненависти? где она была? как жили, её не зная?

И — выстрелы, все в дверь, и даже не по низу, не опытно, — а на высоте плеч. Но на простреле двери никто и не остался: Гreve от самовара успел присесть на корточки и отполз. Причетник дополз до постели, Всеволод дал ему подушку, приткнуть к ране, сам прилёг на пол под подоконником. Сергей успел вжаться в угол за постелью. Солдаты оба — на полу.

А снаружи всё орут и стреляют. И опять же неопытность: довольно было им оббежать к окну — и оттуда простреливалось почти всё в комнате.

Но не оббежали. А всё тот же громкий злой гомон голосов, мужских и бабьих, мат о кровопийцах и беспорядочная стрельба в дверь.

Потом вырвался голос:

— Товарищи! Да может там никого и нет? Не стреляй! Погоди, не стреляй!

Стихло. Тут, в комнате, замерли: мышеловка, уйти некуда. И оружия нет.

Да — и нужно ли оно? Кого тут убивать? И спасти не спасёт, не прорвёшься.

Толкнули дверь — она не закрыта была? сбило крючок пулею? И заглянул один солдат, московец. Молодое сообразительное лицо, как бывает у хороших служаек, незнакомый. Показал рукой: сидите, не выходите. На всеволодова денщика:

— Так ты что ж не выходишь, дурак, ведь убьют! — и за шиворот вытянул его, вытолкнул наружу:

— Вот он, захухрай! Никого там больше нет. Расходись!

И крики утихли. И не стреляли. Поговорили, поговорили возбуждённо, будто расходились.

Теперь офицеры уже не чинились, не сомневались, быстро надевали солдатские шинели, при первой возможности выскользнуть. Надо было утром переодеться сразу, гордость, уже бы ушли, и причетник был бы не ранен.

Нечем ему и помочь, прижимает подушку к плечу.

Но не успели застегнуть шинелей — новый рёв и опять застреляли в дверь, теперь уже уверенней. Видно, денщик сказал. Ужались по своим углам. Братья пожали друг другу руки.

Били, били, потом голос:

— Да может сами выйдут? А ну, перестань стрелять!

Но сами входить опасались: ведь первых нескольких снесут. Потому всё время и не врывались.

— А ну, выходи кто там!

Ничего не оставалось. И теперь — куда ж в шинелях? Стыдно, зачем и надевали? Сбросили солдатские, своих не успели натянуть, вышли в одних кителях, трое. Капитан, штабс-капитан и прапорщик. Всеволод палку забыл, без неё.

Отступя от двери шагов на пятнадцать, плотным чёрным полукругом стояли рабочие, на рукавах пальто у всех — красные повязки. Винтовки выставлены у всех «на изготовку», уж там какую. Подрагивают. На ком через плечо — пулемётные ленты, набрали в складе.

Сразу все лица — в один глазоём, ни одно не рассмотрено, все запомнены навсегда, на оставшиеся минуты жизни: больше — молодые, и все обозлённые.

А за ними — большая толпа, и женщины, грозят кулаками через плечи передних, кричат:

— Бей кровопийц! — и матерно.

— Сдавай оружие!

— У нас оружия нет, мы сдали вчера.

Не верят. Настороженно выходит вперёд один из эриксоновцев, эта фабрика — тут рядом, и все они сколько же раз ходили тут мимо, в трамваях ездили и встречались. И никогда офицеры не замечали столько к себе зла.

Подошедший обхлопывает офицеров по поясам, по карманам. Удивлён, но оружия нет. Всё это видят — и громче из толпы:

— Что с ними возиться? Стреляй кровопийц!

— Отходи, не мешай!

— Довольно нами покомандовали! Теперь мы покомандуем!

И обыскивавший вожак отступает от обречённых.

И с новым напряжением — уже не опасного поиска, но торжества, раздвигаются, давая место и другим желающим, кто на изготовку, кто уже и целится. Но никто не стреляет, видно ждут команды вожака.

Как сложна жизнь, но как просты все смертные решения: вот — здесь, вот — сейчас. А больше всего изумление: мы умирали за эту страну — за что она нас ненавидит?

Маленький Греве, мальчик перед взрослой толпой, замер. Всеволод Некрасов цедил: «Идиоты проклятые...» А Сергей вытянулся, развернулась грудь с георгиевским крестом, вздохнул последний раз — не здесь он думал умирать, не так. Успел пожалеть стариков родителей, что в одну минуту потеряют обоих сыновей — и обоих от русских рук. Но сказать убийцам вслух — в оправдание, в задержку — ничего бы не мог найти.

Тут, опережая команду, — прорезался новый крик — сбоку, с паперти полковой церкви:

— Стой! Стой, не стреляй!

И со ступенек паперти, откуда хорошо видели, с десятков москвичей сбежали сюда — и, расталкивая, расталкивая толпу, пробирались энергично — пробрались — ворвались в полукруг между расстрельщиками и обречёнными:

— Стой! Не трогай их! Это — офицеры хорошие!

— Мы их знаем, не трожь!

А их самих офицеры не успели и распознать.

Нет, уже не остановить:

— Отойди! — кричат озлобленные красные повязки. — Не ваше дело! Отойди, и вас зацепим!

Но солдаты мешали собой. А один крикнул:

— Калеку бьёте, герои тыловые!

И вот это — дрогнуло по кругу:

— Где калека?

— А вот! — показали на Всеволода Некрасова. — Вот! — и на ногу его.

Отдав винтовку, один из рабочих подошёл и стал щупать ногу Всеволода через брюки, ниже, ниже. Крикнул как о манекене:

— Верно! Нога деревянная!

И — застывший чёрный резкий полукруг как размылся, зашевелился, распался:

— Кале-ека...

— Ногу-то отдал...

— Чуть-чуть ошибка не вышла, ишь ты...

Да ещё ж оставалось кого расстреливать, — стоял высокий открытый штабс-капитан и молоденький маленький прапорщик, — нет, теперь и они были помилованы за ту ногу. Рассыпался полукруг — и подошли как виноватые, подошли как бы уже друзья:

— Да шинелки-то есть у вас? Вы ж обмёрзнете.

— Поди им шинелки принеси.

— Там — раненый у нас, унтер, — сказал Сергей.

— Сейчас мы его в лазарет! — это солдаты-выручателы. Но совсем незнакомые лица, не узнавали их братья.

— Да вы покурите, — сожировала теперь толпа.

— Да садитесь поешьте, самовар ваш стынет.

Но старший из рабочих, чугунорубленный, отречённый:

— Есть — некогда, рассиживать. Всех арестованных приказано представлять в Государственную Думу. Собирайсь.

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.